

турсу

Гульнара Нуркулова

Библиотека классической и современной прозы

Гульнара Нуркулова

Турсун

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2022

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Нуркулова Г.

Турсун / Г. Нуркулова — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2022 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907416-85-7

На переломе веков девочка, родившаяся на берегу озера Иссык-Куль, волею судьбы попавшая в другую страну, выданная рано замуж за нелюбимого, становится символом тяжёлого для всех народов времени – начала XX века. Богатство, увлечение опиумом и высокое положение, затем возвращение домой, голод, разруха, нищета, развод с мужем – через все это ей придется пройти. Спасая детей, семьи бежали с обжитых мест, умирая по дороге, и лишь немногие остались в живых... Сможет ли Турсун пройти страшные испытания, кто станет её спасителем, и сможет ли героиня вернуть себя себе, возратить детей, покажет только время... Книга основана на реальных событиях.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907416-85-7

© Нуркулова Г., 2022
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2022

Содержание

Глава I. Прощай, Иссык-Куль!	6
Глава II. Юсуф	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гульнара Нуркулова Турсун

© Гульнара Нуркулова, 2022

© Общественная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2022

Глава I. Прощай, Иссык-Куль!

Рано утром мама ласково разбудила Турсун: «Вставай, секетин кетейин¹».

Турсун нехотя открыла глаза, полежала немного, натянув одеяло на себя, так как в комнате стало прохладно из-за ворвавшегося чистого горного воздуха сквозь дверь, оставленную мамой распахнутой. Снаружи суетились люди. Из коротких разговоров мужчин она поняла, что собираются резать лошадь.

«Интересно, кого на сей раз отец позвал в гости? – подумала она. – Наверное, будет много народу... раз режут лошадь. Надо подниматься и помочь маме».

Одевшись, она вышла и увидела во дворе бабушку, которая сидела на большом старом пне, приспособленном кем-то для сиденья. Недалеко от неё стояли отец, Азамат ава², брат отца, и Иман ава, сосед, который долгое время работал на отца, выполняя разные работы по дому, ну и, конечно, бывал незаменим, когда отец приглашал гостей. Тогда в его обязанности входило зарезать скот, разделать тушу, сварить мясо и, самое главное, правильно подать устуканы³ – строго в соответствии с занимаемым положением или возрастом гостя. В этом он никогда не ошибался, и отец всегда оставался доволен. Сегодня, судя по тому, как серьезно мужчины разговаривали и спорили, какую лошадь зарезать, намечался прием знатных гостей.

– Секетин кетейин, Туку, уже встала? – обратилась бабушка к Турсун. – Сядь рядом. Турсун подседа к бабушке на краешек пня. Бабушка погладила и чмокнула её в макушку, потом достала платочек из кармана и вытерла слезы.

– Эне, ничего не говорите! – почему-то фыркнула мама на бабушку, пробегая мимо.

Немного посидев, Турсун решила помочь маме и Сакен, жене Иман ава, потаскать воду в казан. Казан уже наполовину был наполнен водой. Турсун зашла в дом, перелила остатки жармы⁴ из ведра в свободный тазик, взяла еще одно ведро и пошла к ручью. Увидев кристально чистую горную воду, наклонилась, набрала её в ладонь, глотнула, помыла лицо и, кажется, окончательно проснулась. Посидев еще немного, зачерпнула из глубокого места воды в ведра и направилась с ними к дому.

– Почему набираем воду в маленький казан? Разве не надо готовить казан для варки мяса коня, которого забивают? – спросила Турсун у матери, разжигавшей огонь под казаном.

Мама не ответила. Она показалась ей чем-то расстроенной. Обычно она вела себя так, когда ругалась с отцом или слышала незаслуженное ворчание или упрёки бабушки. Тогда она замыкалась и начинала делать что-то молча, не обращая внимания на других, даже на детей. Турсун не нравились такие моменты, и она всегда про себя молила бога, чтобы у мамы быстрее прошла обида.

– Сходи к ручью и помой большой тазик, – сказала мама.

– Хорошо, энеке, – отозвалась Турсун и пошла выполнять поручение.

– Туку, надо бы вскипятить воду в самоваре. Мужчины справятся с конем, захотят поесть, – обратилась к ней бабушка, которая всё еще сидела на старом пне, откуда можно было обозревать всё, что делается вокруг, и вовремя вмешаться, если что-то пошло не так.

– Да, апа, я уже налила в самовар воды. Сейчас разожгу огонь, – ответила Турсун.

---

¹ Любимая, дорогая (перевод с кыргызского, ласкательное).

² Дядя, брат.

³ Кость с небольшим количеством мяса на ней (такую кость подают гостям).

⁴ Национальный напиток из дроблёного жареного зерна (пшеница, ячмень).

Пока разогревалась вода в самоваре, Турсун успела заправить постель в передней комнате и накрыть дасторкон⁵ боорсоками⁶, топленным маслом и вчерашним недоеденным куском баранины.

Когда мужчины наконец управились с конем, мама заварила чай из самовара и пригласила всех в дом. Было рано, никто еще не успел позавтракать. Все, громко прихлебывая, приступили к чаепитию с молоком и солью. Турсун успела съесть пару боорсоков и выпить пиалу чая, когда мама позвала ее во двор.

Только теперь Турсун поняла, для чего грелась вода в маленьком казане. Вода предназначалась для её купания.

Идея мамы с купанием показалось Турсун странной, ведь последние два года, после того как ей исполнилось десять лет, она купалась сама, без чьей-либо помощи.

– Энеке, я сама помоюсь. Вы идите, – сказала Турсун, переживая, что мама не успела позавтракать.

– Ничего, моя золотая. Мы же недолго.

Мама тщательно помыла тело, затем принялась мыть волосы сначала мылом, затем намазала яйцом и ополоснула в отваре крапивы, приготовленной ею накануне вечером.

После купания мама заплела ей четыре косы, в кончики которых вплела ватные мягкие нитки для того, чтобы они не расплетались. Потом она вытащила из завернутой материи новое платье из красного с бирюзовым отливом шёлка, подаренного в прошлом году папиным другом Юсуфом из Пекина. Тогда мама показывала отрез Сакен, и они вместе долго им восхищались. И хотя ей чаще, чем соседским девочкам, обновляли платье, такого нарядного раньше у неё не было.

– Какое красивое! – воскликнула она и довольная поцеловала маму. – Спасибо!

– Еще не все. Надень сверху, – с этими словами она достала из той же завернутой материи чапан⁷. Его Турсун узнала сразу.

– Энеке, это же ваш... – проговорила она растерянно, ведь маме изумительно шел этот темно-зеленый шерстяной чапан, так что Турсун не могла оторвать глаз, когда мама изредка надевала его.

– Мы с Сакен перешили его для тебя. Куда я ходить в нем буду? – ответила мама.

Они уже заканчивали любоваться новым нарядом, как послышался топот коня, приближавшегося к их дому.

– Болуш⁸ байке! – к то-то позвал отца. Увидев Турсун, пришелец спросил: «Отец дома?» Она собралась ответить, но тут же услышала голос отца за спиной.

– Что случилось? Ты кто?

– Китаец Юсуф байке просил передать, что будет у вас сегодня после обеда.

– Что?! Ай! Иман! Вставайте быстрее, гости скоро придут, надо ставить большую юрту! Жанылай, у тебя все готово? Отправь Самагана, чтобы он оповестил родственников, – все еще в панике отец спросил у гонца. – Сколько человек сопровождают Юсуфа?

Юноша ответил, что этого он не знает.

Через полчаса родня была уже на месте. Мужчины занялись установкой юрты возле дома, женщины – приготовлением теста для боорсоков. Благо муки накануне намолотили достаточно. Отец, успокоившись, наконец обратил внимание на дочку.

– Какая ты красивая стала, каралдым⁹, – сказал он, одобрительно окинув ее взглядом.

---

⁵ Скатерть.

⁶ Жареные лепешки.

⁷ Верхняя стёганая одежда.

⁸ Глава волости.

⁹ Опора, надежда (ласкательное, используется в отношении детей).

– Я не знаю, почему энеке перешила свой чапан на меня... ведь он ей так шёл, правда, атаке? – виноватоотреагировала Турсун на слова отца.

– Не расстраивайся дочка, даст бог, будет у энеке чапан лучше этого.

Не зная, чем заняться, Турсун зашла в дом, где собралась основная часть женщин. Все принялись разглядывать девочку и в один голос ахать по поводу нового наряда.

– Вам помочь? – спросила Турсун, переводя интерес родных на другую тему.

– Что ты, кыз¹⁰! Успеем до приезда гостей. Иди лучше погуляй, а то новый чапан запачкаешь. Успеешь еще наработаться за свою жизнь, – сказала Уултай, жена дяди, выталкивая её в дверь.

«Наверное, я им мешаю сплетничать. Если нужна буду – позовут», – подумала Турсун и побрела к речке.

На качелях из толстой веревки, привязанных к ветке большого дерева грецкого ореха, росшего чуть выше речки, сидела Упол, а ее сестра-двойняшка Апал раскачивала её. Сестры были на год младше Турсун. Их отец был учителем медресе в соседнем селе, и они этим жутко гордились. Девочки умели читать и писать, в отличие от самой Турсун, о чем они обязательно упоминали в случае ссоры. Обычно ссору затевала Упол, которая была вреднее Апал. Когда девочки ссорились между собой, Турсун подолгу играла с Апал и считала её своей лучшей подругой. Все считали двойняшек похожими друг на друга, и мало кто различал их, даже родители иногда путали, но Турсун различала их даже со спины. Её спрашивали, как у неё это получается, но она не могла ответить. Видимо, кроме зрения помогают другие органы чувств, шутил её отец.

– У вас сегодня будут гости? – дружелюбно спросила Апал, когда Турсун подошла к ним.

– Да, приедет папин друг из Китая. Он каждый год приезжает забрать опиум и защищает папу от русских, – ответила Турсун.

– Что ты вырядилась сегодня? У нас тоже есть новые платья, но мы надеваем их только, когда ходим в медресе, – с нескрываемой завистью и сквозь зубы сказала Упол.

– Но мы в этом году уже не будем ходить в школу, – тихо, желая как можно дольше продлить общение с Турсун, сообщила Апал. – Хочешь, раскачаю тебя на качелях?

Турсун знала, что папа девочек брал их в медресе всего пару раз, когда они были младше и что папа учит их грамоте дома, но почему-то не хотела лишать подруг единственного преимущества перед ней. Она знала, что семья была очень бедной и едва перебивалась с хлеба на воду. Турсун старалась их подкормить боорсоками или чем-нибудь еще, когда была возможность.

Как ни странно, Упол сразу уступила качели, и Турсун заняла ее место. Апал оттянула назад и отпустила веревку, затем, толкая в спину, сильно раскачала. Турсун зажмурила глаза от удовольствия.

– Турсун – невеста! Турсун – невеста! Тили-тили тесто! – услышала она голос соседского мальчика Амира, младшего сына Иман ава.

– Ты почему дразнишься? – неожиданно вступилась за Турсун Упол. – Почему так говоришь?

– Сегодня Турсун женится на старом китайце, – сообщил Амир и после паузы добавил. – Я слышал, как мама говорила папе сегодня утром.

– Ах вот почему ты сегодня такая нарядная! Ты – невеста! – победоносно ехидно сказала Упол.

– И неправда. Он, Юсуф, старый, даже старше моего отца! Он каждый год приезжает к нам! – только и смогла ответить Турсун, от досады слёзы брызнули из её глаз. Она тут же ногами остановила качели и побежала домой.

---

¹⁰ Девочка (по обычаю кыргызов снохи не называют младших братьев и сестер мужа по имени).

«Это неправда, неправда, – с горечью в душе думала она, – Я выйду замуж только за Жолдоша».

Она давно представляла, как выйдет замуж за Жолдоша. Он нравился ей. Хотя ему было столько же, сколько и самой Турсун, он помогал своему отцу во всем, так как был старшим сыном в семье. И сегодня, надевая новое платье, она сразу подумала о нём и собиралась поразить его своим красивым платьем, когда он придет помогать отцу разводить огонь под тайказаном¹¹. Эту работу с прошлого года, как правило, делал Жолдош. Правда, отводил глаза, если она обращалась к нему, но это нестрашно. Ведь они постоянно были вместе, когда были маленькими. Папа часто хвалил Жолдоша и говорил, что он растёт трудолюбивым и хорошим человеком. «Папа выдаст меня замуж за хорошего человека. А кто еще хороший, кроме него, и кто подходит мне, как не Жолдош?!»

Отца во дворе не оказалось, но зато она увидела на привычном месте, возле очака¹², Жолдоша, и ей показалось, что он её тоже увидел и, как обычно, смутился и отвернулся, будто бы подложить дров в огонь. Ей стало ещё обиднее, и слезы полились ещё сильнее.

Отец лежал за домом под большим деревом, облокотившись на руку на огромном талпаке¹³ из шкуры медведя, застреленного им и Азаматом ава два года назад в горах. Было непонятно, спал он или просто дремал.

– Атаке, они меня дразнят... скажи, что неправы... скажи, что я не невеста, – рыдала Турсун. – Скажи, что Юсуф байке приезжает к нам по своим делам.

Отец открыл глаза, прищурившись какое-то время смотрел на дочь, наверное, раздумывая, как успокоить её. Затем сел, указал рукой на место рядом с собой, призывая тоже сесть. Турсун опустилась на колени. Он поцеловал её, погладил волосы и сказал: «Каралдым, неужели я хочу, чтобы тебе было плохо? Не слушай никого. Юсуф приезжает по делам и будет гостить у нас какое-то время». Тон и слова отца утешили её, и она потихонечку начала успокаиваться.

От этого разговора у Адыла стало тяжело на сердце. Вспомнил, как год назад, Юсуф, увидев его одиннадцатилетнюю белолицую и черноволосую Турсун, сказал: «Как она выросла, вижу, станет такой же красивой, как её мама». До самого отъезда он приветливо обращался к ней, словно хотел расположить к себе, и всегда находил предлог дать поручение маленькой Турсун, то полить на руки воды из кумгана, то принести попить жарма. Это сильно корбило Адыла, но он ничего не мог сказать человеку, который спас его семью от нищеты. К тому же несмотря на то, что он был болушем волости, благополучие его самого и жителей волости зависело от Юсуфа.

«Если бы мой отец не растратил богатства дедушки, все было бы по-другому», – посетовал он про себя. Дедушка, действительно, был несметно богат. Говорили, когда паслась отара Солто бая, то камня в горах не было видно. Непутевый отец Адыла прокутил всё за короткое время после смерти дедушки. Когда Адылу стукнуло семнадцать, а Азамату тринадцать лет, они были очень бедны, а волость, объединявшая несколько сёл из 172 дворов и возглавляемая отцом, пришла в полный упадок. Отец был жестоким человеком, благодаря этому, а также авторитету покойного дедушки он не лишился должности болуша. С молодости пристрастился к опиуму и уже в тридцать лет был полностью недееспособным. Его не интересовало ничего, кроме наркотиков. На Адыла, старшего сына, легли проблемы не только семьи, но и всей волости. Ему приходилось ездить в Каракол на собрания вместо отца, платить налоги, писать письма и вести документы. В это трудное время он и встретил китайца Юсуфа, который скупал и перевозил опиум в Китай. Обычно тот приезжал осенью и колесил по всему северному побережью Иссык-Куля в поисках опиума, так как на ближайших рынках товара было

---

¹¹ Котёл для варки конины.

¹² Очаг, сложенный из камней.

¹³ Высушенная шкура животного, служащая для подстилки.

недостаточно и то, что там продавалось, было некачественным. Немного опиума он покупал у русских, осевших в Семиречье во второй половине XIX века.

Первая встреча Адыла с Юсуфом состоялась в 1901 году во время визита Юсуфа к отцу Адыла. Китайский торговец хотел уговорить отца использовать часть угодий семьи под засев сонного мака, но ничего из этого не получилось. До отца из всего, что говорил Юсуф, доходило только слово «опиум». Он приоткрывал глаза, что-то несвязно бормотал и опять отключался. Увидев, что разговор не состоится, Юсуф встал и собрался уходить. Не в обычаях кыргызов отпускать гостя голодным – Адыл предложил гостю поужинать и переночевать в доме.

По такому случаю был зарезан молодой барашек. За трапезой и после нее новые знакомые очень много говорили. В основном о жизни людей в Китае, об отличительных чертах жизни в их странах, о зависимости некоторых людей от наркотиков. Проговорили почти до утра. Адыл проникся симпатией к этому молодому, умному человеку, так много добившемуся в жизни по сравнению с ним, хотя гость был старше всего на четыре года.

После сытного завтрака новоиспеченные друзья вместе прогулялись в сторону озера. Погода стояла замечательная, небо было сплошь голубым, без единого облачка.

– Мне кажется, Ак-Таш расположен в самом живописном месте Иссык-Куля. Я нигде не видел более красивого неба и озера, чем здесь. В этом уголке даже небо другое. Ощущение такое, что озеро отражается в небе, и от этого цвет неба становится более насыщенным, другим. И воздух у вас чистый-чистый, здесь легче дышится, – сказал Юсуф, втягивая глубоко воздух.

– Не могу сравнить. Я дальше Иссык-Куля нигде не был, – заметил Адыл.

Действительно, селение расположилось в предгорье Ала-Тоо на одном из склонов ущелья. Бог одарил это место богатой природой. Здесь росли вперемежку хвойные деревья, тополя, карагач, березы и разные виды кустарников. По ущелью текла горная бурная река, которая щедро дарила свои воды Иссык-Кулю, особенно с конца весны до середины лета во время таяния снегов. Когда-то течение реки принесло большое количество белых огромных камней, поэтому это место люди называли Ак-Таш. Камни придавали селению нарядный вид, выглядывая то там, то тут из сплошной зелени.

– Слушай, Адыл, я хочу вернуться ко вчерашней теме. Если хочешь жить без нужды, тебе надо научиться зарабатывать деньги. Тем более, что семья у тебя большая, и должность обязывает тебя быть более обеспеченным. Не надо рассчитывать только на скот. Конечно, скот надо иметь для еды, для преодоления расстояний, для обмена на необходимые вещи и многое другое. Но иметь только скот очень рискованно. На скот также, как и на людей, может напасть болезнь, и он может пасть. Животных могут отнять, украсть, их ведь не спрячешь. Ты сам говорил, что у вашей семьи половину отары украли. Поверь, благополучие могут дать только деньги, и у тебя есть возможность заработать их. У тебя есть земля, и ты можешь использовать её под сонный мак.

На обратном пути домой он давал конкретные советы, как сажать мак, как поливать, как добывать маковую смолу, и еще показал те участки земель, где можно было бы сеять мак, если решить проблему с поливом. Адыл уже имел представление о возделывании этой культуры, но был уверен, что в новом деле нужен настоящий знаток. И такой человек был у него на примете – Темир, родственник по отцовской линии, для которого земледелие было не в диковинку, ведь он несколько лет работал на русскую семью в Караколе.

Перед отъездом Юсуф опять заехал к семье Адыла. Судя по настроению гостя, ему не удалось найти столько опиума, сколько заказывали торговцы наркотиками. Как он рассказывал во время беседы, в Пекине появилось много военных из разных стран, покупающих опиум. Еще раз дав наставления Адылу о том, как возделывать опиум, Юсуф вручил в матерчатом вышитом мешочке китайские серебряные доллары, а также русские серебряные рубли – целое состояние для небогатой семьи.

Адыл не стал откладывать в долгий ящик исполнение намеченной цели. На следующий день после отъезда Юсуфа он отправился в Каракол с целью найти и поговорить с Темир байке. Найти родственника не составило большого труда. Как оказалось, тот планировал купить на свои сбережения десяток овец и вернуться домой. Идея растить мак в родном Ак-Таше ему понравилась. Обсудив вопрос между собой, будущие компаньоны решили купить весь необходимый инвентарь и семена на месте, чтобы не возвращаться обратно. Им пришлось задержаться ненадолго у родственников в Караколе в связи с тем, что по предложению Темир байке решили заказать у известного местного кузнеца три двузубые сохи для пахоты и заделки семян, которыми можно было еще и бороновать землю. Пока кузнец изготавливал сохи, купили семена мака и четырех волов. Вернулись домой, полностью готовые к новой работе.

После нескольких дней нетерпеливого ожидания из-за затянувшихся дождей с помощью односельчан свежее испеченные земледельцы приступили к работе по вспашке целины. Продвигалась работа медленно. Надо было выкорчевывать кустарники и корни деревьев, поджигать их, чтобы к следующей весне не проросли снова. К тому же почва оказалась каменистой и требовалось много рук для её очистки, но недостатка в рабочей силе не было. Некоторых людей интересовала необычная для них работа, но большинство работали за еду, хоть и скудную, но сытную. В тот год осень на удивление была теплой и длинной, поэтому земли вспахано было больше, чем ожидали.

С наступлением ранней весны работы по вспашке земли были продолжены, площадь для засева была значительно увеличена. Не тратя время даром, Темир байке начал заниматься строительством чигиря для полива земель, расположенных выше русла реки.

В первый же год все семена взошли, и был собран неплохой урожай опиума. Юсуф остался доволен и даже попросил увеличить посевные площади. «Заберу столько, сколько соберете. Спрос на него огромный. Ваш опиум из Китая вывозится и в другие страны», – сообщил он.

Итак, каждый год Адыл с Темиром-байке осваивали новые земли, сеяли всё больше мака. Докупили инвентарь, открыли свою кузницу. Поскольку угодья не имели очерченных границ, то никто не стал выяснять, где чья земля. Производство опиума превратилось в общее дело жителей волости. Люди ждали цветения мака весной и радовались, увидев на поле густой цветочный розовый ковёр, ведь чем насыщеннее цвет ковра, тем лучше урожай. Затем все ждали, когда цветы опадут, завяжутся и созреют коробочки, в это время начинали трудоёмкий процесс сбора урожая. Работники выходили на поле до наступления зари, проходили по грядке, делая надрез на каждой маковой коробочке, чтобы сочился оттуда молочно-белый сок до восхода солнца, пока влажно. Чем раньше это сделать, тем больше времени у мака отдать сок. Загустевший млечный сок собирали только на следующий день.

На маковых полях работали целые семьи, и даже дети помогали взрослым. Адыл отмечал отработанные дни и после продажи и получения денег от Юсуфа старался разделить доход справедливо, в соответствии с вкладом каждого. На заработанные деньги люди покупали в основном скот, одежду, соль, зерно. За десять лет жизнь сельчан заметно изменилась. Работа на маковых полях давала больше достатка, в связи с чем из года в год становилось меньше семей, желающих откочевывать летом на горные пастбища, постепенно менялся образ жизни. Часть жителей построила и перебралась из юрт в новые дома. Адыл поощрял строительство. Когда работы на полях было меньше, он собирал мужчин на ашар¹⁴, а когда дом был готов, все дружно справляли новоселье.

За это время Адыл добился уважения и почета, его уже трижды переизбирали болушем.

Мыслями он вернулся к Турсун. Как хотел бы он счастливой судьбы для своей любимицы! Она третий ребёнок в семье. Первые двое умерли еще в младенчестве. Когда жена

¹⁴ Взаимопомощь при строительстве дома.

понесла в третий раз, он бесконечно молил Всевышнего сохранить ребенка. Новорождённую назвали Турсун, что означает «стойкая». Хвала Аллаху, она родилась крепкой и выстояла против всех болезней. Через два года Всевышний послал им сына Самагана, и еще через четыре года родился Садыр.

Весь истёкший год они с Жанылай обсуждали слова Юсуфа, сказанные им перед отъездом: «Дай Аллах, в следующем году приеду свататься». Конечно, Адыл, как и всякий отец, мечтал увидеть дочь замужем за человеком из уважаемой и почитаемой кыргызской семьи, равной по статусу его собственной. Слова Юсуфа породили в его душе беспокойство и чувство безысходности. Беспокойство из-за предстоящей разлуки с дочерью, неизвестности, которая ждет ее на чужбине, где дочь должна будет жить всю свою жизнь и оттого, что её, единственной дочери, не будет рядом, когда придет время умирать. А чувство безысходности из-за невозможности отказать человеку, так много сделавшему для него. За долгие годы знакомства дунганин Юсуф показал себя умным, деловым, порядочным человеком. Дочь будет жить в достатке. К тому же Юсуф, если родятся детишки, будет на руках носить её до конца жизни. Да и возраст – не помеха. Ему 37 лет. Есть же счастливые семьи, где разница в возрасте еще больше. А слезы Турсун? Она еще маленькая и пока что не понимает многого. Ведь отцу надо обеспечить её будущее.

Сегодня утром после очередных упреков и слёз обещал Жанылай поговорить с Юсуфом о том, чтобы отложить помолвку дочери до достижения ею пятнадцатилетия. Конечно же, Юсуф согласится.

С этими мыслями, видимо, успокоив себя, Адыл задремал.

– Ай, Адыл, пора бы уже вставать, – сквозь сон услышал голос своей матери. – Азамат думает, что Юсуф уже вот-вот подъедет. Проверь сам, все ли готово. Эти люди не будут за тебя переживать, им лишь бы свои животы набить. Только отогнала детей, которые бегали в дом, таскали боорсоки. Кажись, уже половину съели.

– Эне, не переживайте. Первый раз, что ли, встречаем гостей? Все будет хорошо, – успокоил он мать. – Прилягте на мое место, отдохните. Вы тоже с утра на ногах.

Его разбудили вовремя. Он успел посмотреть убранство юрты, когда увидел всадников, направлявшихся к его дому.

– Ассалам алейкум, уважаемые гости! Как добрались? Надеюсь, дорога была не столь утомительной, – приветствовал Адыл спешившихся гостей, среди которых был Юсуф.

– Алейкум-ассалам, Адыл! Как поживаешь? – крепко обнимая, ответил Юсуф.

Пока подъезжала отставшая часть каравана, Юсуф рассказал, что с ним прибыло пять наездников на лошадях, одна лошадь с повозкой и пять верблюдов с грузом. В Пекине в целях безопасности за плату они присоединились к большому торговому каравану, направлявшемуся в Бухару, а в городе Торугарт они отделились, наняв нескольких погонщиков верблюдов, двух охранников, и благополучно добрались до Ак-Таша. Дорогу все перенесли нормально, за исключением сорокасемилетней Мувазы, его сестры, которая последние тридцать лет почти не выезжала из Пекина.

Из повозки выглянула немного полноватая коренастая женщина. Вместо приветствия, слезая с повозки, она запричитала на ломаном кыргызском.

– Если бы не затея родного брата, в жизни не согласилась бы поехать даже до Калгана. Что за удовольствие трястись вечность в этом драндулете! Ног не чувствую... спина болит... чувствую себя грязной и ужасно уставшей.

– Ты же всю дорогу лежала на шелковых пуховых одеялах. Отчего ноги болят? – смеясь и помогая достать верхнюю одежду из повозки, пошутил Юсуф. – Знакомьтесь, это моя старшая сестра Муваза, заменившая мне отца и мать, – представил он сестру.

* * *

Гостей рассадили в новую богато убранную большую юрту из белого войлока. В глубине юрты, напротив двери, посадили самого почетного гостя – Юсуфа, с правой стороны рядом с ним Мувазу, затем маму Адыла Умсун, с левой стороны сел Адыл, Азамат и уже ниже их, строго по возрасту расселись остальные гости и родственники. Дасторкон постелили на полу, покрытом яркими ширдаками¹⁵, и быстро расставили все яства, которые готовились с утра. Принесли шипящий самовар с заварочным чайником наверху.

Половина сидящих в юрте не говорила на кыргызском, а вторая половина на китайском, и беседы за чаем не получилось. Переговаривались изредка только Юсуф, Адыл и Азамат. Ужин завершился подачей варёной конины, после чего всем мужчинам постелили в юрте, а женщинам и детям – в доме. Уставшие с дороги мужчины сразу улеглись спать, в отличие от Мувазы.

Мувазу не устроила приготовленная постель. Она распорядилась принести с повозки два привезённых с собой пуховых одеяла и сама постелила их себе. Потом еще какое-то время обтирала теплым мокрым полотенцем все тело, расчесывала волосы, а закончив все это, поменяла одежду. Затем, сев на одеяло, спросила у Жанылай:

– Ну и где наша девочка?

– Да вот она. Наша мама и Турсун будут спать с вами в этой комнате. Турсун, встань и поздоровайся с Муваза эже, – сказала она, обращаясь к дочери, которая все это время, сидя в углу, молча наблюдала за приготовлениями гостя ко сну.

– Она просто красавица! Правда, я думала, она побольше, – сказала Муваза растерянно, качая головой. – Подойди, миленькая, поцелую тебя. Если память мне не изменяет, тебя зовут Турсун? У нас есть много подарков для тебя и твоей семьи. Завтра распакуем... Что ни говори, на твердой земле спать лучше, – продолжила она, зевая, и улеглась спать.

Но уснуть сразу не получилась... долго лежала и думала о Турсун. Хоть и общались не больше минуты, эта круглолицая девочка очаровала её. Кожа нежная и белая, высокий лоб, большие выразительные и серьёзные, но вместе с тем наивные детские глаза, чёрные брови вразлёт и прямой нос. Тело все ещё детское, тонкое. На вид не дала бы даже десяти лет. Интересно, как она выглядела в прошлом году, когда Юсуфу пришлось в голову жениться на ней? Конечно, была ещё меньше. Если пошла в маму, то должна вырасти. Черты лица мамыны, но непонятно, чья фигура. Если в отца, будет невысокого роста. Впрочем, какая разница, какого роста, лишь бы характер был хороший. Юсуф ведь тоже среднего роста. Ах, Юсуф! Хоть бы твоя затея обернулась во благо тебе. Если верно гласит пословица «прежде чем выбирать жену, посмотри на мать», то Юсуф не ошибся, благослови Аллах. Прав был Юсуф, когда хвалил её маму. По всему видно, Жанылай хорошая.

Еще не рассвело, когда две женщины в комнате – Умсун и Муваза – начали разговор.

Умсун осведомилась, как требует этикет, хорошо ли поспала гостя. Та ответила, тоже следуя этикету, что спала хорошо.

Муваза, увидев, что Умсун сидит, поднялась и села на свою высокую постель.

– Сколько вам лет? – спросила она Умсун.

– Точно не знаю, но, думаю, мне около пятидесяти трёх лет. Я родила Адыла, когда мне было чуть за двадцать.

– Значит, я младше вас лет на пять или шесть.

Немного помолчав, она перешла на другую тему.

---

¹⁵ Сшитый в два слоя ковёр из войлока с орнаментом.

– Юсуфу очень нравится Иссык-Куль. Большое озеро и красивое. Я так много воды раньше никогда не видела. Хвала Аллаху, что создал такое творение! А какая красивая природа в горах! Если бы Юсуф не надумал жениться на вашей внучке, я никогда не увидела бы такой красоты.

– Вы заберете Турсун в этот приезд? – задала Умсун волновавший её вопрос.

– Конечно. Второй раз путь от Китая и обратно я не преодолею, – резко, дав понять, что вопрос не обсуждается, ответила Муваза, затем после долгой паузы продолжила тоном помягче. – Поймите, чтобы стать женой такого известного в Пекине человека, как мой брат, нужно соответствовать определенным требованиям. Она должна говорить на китайском, научиться готовить наши блюда, научиться ухаживать за собой, научиться ухаживать за мужем. У моего брата есть не только друзья, но и враги. Что скажут они, если он женится на женщине, которая двух слов не может сказать, не может, как положено, подать чай и приготовить наши блюда? Мы должны воспитать и привить наши традиции, прежде чем она станет женой моего брата и станет полновластной хозяйкой его дома. На это потребуется время – не месяцы, а годы.

Умсун ничего не ответила, но эти слова немного успокоили её. «Турсун подрастёт, прежде чем выйдет замуж», – подумала она.

Утром, сразу после завтрака, когда сопровождавшие Юсуфа люди вышли, в юрту начали заносить курджуны с подарками. Долгожданный родственниками процесс начался. Муваза начала с того, что участь каждой девушки – покинуть родительский дом, чтобы выйти замуж.

– У вас выросла дочка, и мы приехали просить её руки для моего любимого брата. Мы решили разделить слова, которые обычно произносят вместе, – «покинуть родительский дом» и «выйти замуж». Сначала Турсун покинет родительский дом и поедет к нам на воспитание, а затем, когда, даст бог, наступит время, ждем вас на свадьбу в Пекин. Я знаю, эти слова должен говорить мужчина, но так получилось, что мы с Юсуфом одни на белом свете, поэтому я здесь, и я прошу руки вашей дочери для моего брата.

Жанылай, в мешочке «сут акысы»¹⁶. Знаем, сколько бессонных ночей провели вы, пока вырастили дочку. Здесь двадцать китайских золотых долларов. А это вам, – с такими словами она дала Адылу ещё деньги и накинула на плечи Адыла тулуп с подкладом из снежного барса.

Пододвигая с середины юрты несколько полосатых курджунов в сторону Жанылай, Муваза сказала: «А теперь, дорогие родственники, давайте, покажу всем, что в курджунах. Здесь сорок отрезков из шёлка, сорок платков, рулон сатина для мужских рубашек, рулон черного вельвета и посуда: двадцать четыре пиалы, два чайника, две большие тарелки, как раз подойдут для вашего бешбармака. Здесь двадцать мешочков черного чая и пять мешочков чая с лотосом. Жанылай, распределите подарки среди родственников, как сочтете нужным.

Затем, показав всем присутствующим, вручила Умсун байковую бордовую вышитую юбку-белдемчи¹⁷.

– Для нашей девочки ожерелья из серебра и коралла, – продолжила она, ища глазами Турсун в юрте.

– Позовите Турсун, – сказала кто-то из родственниц, выглядывая из юрты.

– Ой! Чуть не забыла про ваших мальчиков. Это рубашки для них. И, кажется, всё. Моя миссия частично выполнена, – сказала, усаживаясь на свое место, Муваза.

– Спасибо за щедрые подарки, дорогой Юсуф и Муваза же¹⁸. Я рад, что наши семьи породнятся. Юсуф уже давно для меня родной человек, а теперь мы с ним станем ещё ближе. Для меня счастье дочери важнее всего, и сегодняшнее событие – только ради этого, – сказал Адыл, пытаясь скрыть свои переживания.

---

¹⁶ Выкуп или плата матери невесты за молоко.

¹⁷ Женская теплая юбка с разрезом от пояса.

¹⁸ Сестра.

Вскоре пришла Турсун, кивнула всем в знак приветствия и опустилась на колени возле двери. Ей немедленно надели коралловые бусы в несколько рядов, серебряный браслет и серьги с кораллами, и когда женщины в юрте начали восхищаться красотой ожерелий и самой девочки, она засияла от счастья. Но, смутившись, Турсун быстро убежала.

После окончания традиционного подношения подарков Муваза пошла отдыхать в дом, мужчины разошлись по своим делам, а женщины получили возможность рассмотреть подарки еще раз. По меркам Ак-Таша подарки были великолепными. Особенно всех поразил тонкий фарфор, из которого была сделана посуда. Жанылай подарила всем женщинам в юрте по отрезу и платку, а их мужьям отрезы на рубашку, поделилась чаем. Родные были довольны, кроме свекрови, которой казалось, что Жанылай слишком расщедрилась.

Юсуф, Адыл и Азамат расположились на тёшоках¹⁹, постеленных на густой траве под старым деревом, росшим недалеко от дома.

Юсуф рассказал, что в Китае беспокойно, вспыхивают то там, то тут восстания. Свергнут император, и к власти пришёл генерал Юань Шикай. В Пекине все еще много иностранцев, особенно англичан, японцев, которые чувствуют себя как хозяева. Общая ситуация в стране на его бизнес не повлияла, наоборот, в начале года он открыл еще две продуктовые лавки в Пекине.

– Что у вас нового? – спросил он у Адыла. – Вчера по дороге видел много русских людей и даже детей недалеко от Ак-Таша, там строятся деревянные дома вдоль дороги.

– Да. Русским разрешили построить хутор недалеко отсюда. Григорий, я знаком с ним, получил разрешение на эти земли и перевез сюда своих родственников. Земля частично принадлежала нам. Но русских больше интересует рыба в озере, чем земля. Отсюда озеро ближе, чем от тех мест, где они жили раньше, – сказал Адыл.

– Там не только родственники Григория, но и чужие для него люди, – вставил Азамат.

– А землю, которую передали Григорию, вы не использовали под посев мака?

– Нет, не успели, – успокоил Азамат, опережая Адыла.

– Адыл, надо бы ускорить встречу с уездным начальником. Он должен принять меня, я кое-что привез по его заказу, – сказал Юсуф.

– Давайте я поеду. Если я потороплюсь, вечером уже буду в Караколе, – предложил Азамат.

Адыл был удивлен, когда уже на следующий день после обеда увидел приближавшегося на коне Азамата. Брату повезло, он сразу же через помощника связался с уездным начальником подполковником Ивановым. Азамат сообщил, что Иванов пригласил Юсуфа на рыбалку в ближайшее воскресенье. Рыбачить он будет на реке Тюп, недалеко от озера.

Через три дня рано утром мужчины – Адыл, Юсуф и один из сопровождавших его людей Ченг – выехали в сторону Каракола. Через три с половиной часа они были на условленном месте. Это был очень живописный берег залива с обильной растительностью. Особенно много было дикой смородины и облепихи с богатым урожаем. Начальник еще не приехал, но трое мужчин уже вовсю готовились. У реки была накрыта белая скатерть, вокруг которой лежали сложенные в длину одеяла и несколько подушек в белоснежных наволочках. Один из мужчин начал выкладывать на скатерть по порядку содержимое корзины: большой круглый хлеб, варёную в кожуре картошку, десяток яиц, пучок зеленого лука, соленые огурцы, сваренные целиком две курицы, свиное сало. Вытащив приличного размера бутылку с самогоном, он показал ее тому, кто занимался подготовкой удочек для рыбалки, и что-то спросил. Кажется, спросил, хватит ли выпивки.

Уездного начальника пришлось ждать долго. Увидев Юсуфа, он издали начал приветствовать почти без акцента на кыргызском языке.

---

¹⁹ Узкое и длинное одеяло, предназначенное для сидения.

– О! Дорогой Юсуф, безумно рад тебя видеть.

Приблизившись, он широко обнял гостя.

– Я тоже очень рад встрече, дорогой Василий, – ответил Юсуф.

– Я вижу, здесь уже все готово к пирушке, – потирая руки, пошутил Иванов. – Что, начнем? Коля, наливай!

Подбегавший мужчина налил в два стакана крепкий самогон и подал Иванову и Юсуфу. Иванов залпом выпил и начал с хрустом есть поданный Колей солёный огурец. Юсуфу пришлось повторить за Ивановым, но вместо огурца он взял со скатерти зеленый лук и начал жевать.

– Что, Юсуф, здорово здесь, правда? – сказал Иванов, по-хозяйски оглядываясь вокруг.

– Природа на Иссык-Куле везде замечательная, а здесь особенно, – ответил Юсуф.

– Давай, рассказывай, что привело тебя ко мне, пока я не напился, – сказал Иванов, нарочно уводя его подальше от остальных.

Через полчаса они вернулись назад.

– Смотри, Колян. Пиф! Паф! – как бы стреляя в небо, Иванов показал подошедшему к нему человеку револьвер, подаренный Юсуфом.

– Ого! Это же новейший английский шестикалиберный Веблей! Дай я посмотрю.

Коля взял в руки револьвер, повертел его в руках, нажал на кнопочную защелку.

– Безо всяких усилий перезаряжается! Смотри, ствол револьвера опускается вниз и обеспечивает доступ к барабану для перезарядки, – сказал он, демонстрируя Иванову и восхищаясь. – Вот это вещь!

– Спасибо, дружище! Угодил! – сказал Иванов, обращаясь к Юсуфу, и затем скомандовал. – А теперь за стол! Уха готова?

Мужчины расселись на одеялах, выпили и начали закусывать. Через некоторое время после второго стакана Юсуф попросил разрешения уйти, сославшись на другую встречу. Окликнул Ченга и сказал тому что-то. Ченг ушел и вернулся с курджуном.

– Василий, это подарки из Китая для твоей семьи и патроны для револьвера, – сказал Юсуф.

– Знаю... убегаешь от ухи, а зря вы, азиаты, не едите рыбу. Рыба для вас что лягушка, правда, Адыл? – громко рассмеялся Иванов. – Счастливо вам доехать! Коля, проводи гостей.

Отъехав подальше, Юсуф сказал:

– О-о! Смотрю, тебя тоже развезло от одного стакана. Надо поесть ашлямфу. Я знаю одно место, где очень хорошо готовят, – предложил он Адылу.

За столом Юсуф рассказал, что Иванов не сможет помочь в вопросе возврата земли.

– У твоего Григория есть разрешение из Ташкента, так что землю назад не вернешь, – сказал он расстроенному Адылу, затем, успокаивая, добавил. – Я дал ему достаточно денег. Думаю, защитит, если что. Но он сказал, что тебе необходимо все проблемы выносить на съезд болушей, и тогда ему будет легче оказывать тебе помощь. И еще Василий сказал, что нам нужно сменить маршрут до Турпана. Он обещал выделить своего человека для подстраховки до границы.

* * *

Жанылай созвала женский совет в составе свекрови, свояченицы Уултай, родной сестры Ызат, приехавшей по ее просьбе из соседнего села, и соседки Сакен для обсуждения приданого Турсун. Жанылай вытащила все, что было собрано ею чуть ли не с рождения дочери – шырдак и одеяла из дорогих тканей, необыкновенно красиво вышитый туш-кийиз²⁰, два деревянных

---

²⁰ Вышитый гобелен.

расписных сундука. Женщины решили, что необходимо изготовить еще четыре тёшока и сшить несколько платьев для Турсун. Было также решено, что этой работой займутся Ызат вместе с Сакен.

Времени до отъезда дочери оставалось так мало. Жанылай до сих пор не могла собраться с духом и поговорить с ней. Она пыталась противостоять мужу, но его слова убедили. Они должны позаботиться о будущем своих мальчиков. Упрочение связи с Юсуфом пойдет на благо семьи. Даст бог, вырастут мальчики и подхватят дело отца, а, возможно, и Юсуфа, у него же нет пока своих. Опасений, что Юсуф окажется плохим мужем для дочери, у неё не было. Он щедрый, благородный. К тому же, худощавый и подтянутый, он выглядит моложе своих лет. Вот только сестра у него вредная, хоть бы не была слишком строга к дочери, думала она.

Вечером, после того как помыли посуду, постелили всем постель, Жанылай подозвала Турсун к себе, обняла, поцеловала в обе щеки. Увидев, как мама обнимает сестру, маленький Садыр тут же вылез из своего одеяла и прибежал к ним в надежде получить мамино внимание. Он был прав, мама крепко обняла их обоих и, смеясь, поцеловала сына тоже.

– Как я вас люблю, мои милые, – сказала она, затем обратилась к Садыру. – Кулунум, иди ложись спать, а то замерзнешь. Турсун, накинь чапан, мне надо с тобой поговорить.

Они вышли во двор, Жанылай бросила на пень талпак и села на него. Подвинулась и усадила туда Турсун.

– Отец хочет, чтобы ты поехала с Муваза эже в Китай. Ты должна будешь там учиться китайскому языку, письму и музыке. Нам очень надо, чтобы ты выучилась и в будущем помогала отцу, братьям.

Слова, что она будет учиться, сильно взволновали девочку, а еще больше новость, что она будет учиться музыке.

– Энеке, а как же вы? Вы тоже хотите, чтобы я уехала? Кто же вам будет помогать по дому? – спросила она у матери, недоумевая.

– Ка к-нибудь справлюсь. Я хочу, чтобы моя дочка была грамотная, важная и красивая. Я уже представляю себе, как ты станешь такой, – сказала она, обнимая Турсун.

– А меня Амиртай при Апал, Упол обозвал невестой Юсуфа. Я атаке рассказала, а он сказал, чтобы я не обращала на них внимания, – пожаловалась Турсун маме.

– А ты скажи им, что поедешь в Китай учиться.

Жанылай не смогла сказать дочери про замужество. Язык не повернулся. Она еще совсем ребёнок, в отличие от большинства сверстниц. Может, из-за того, что слишком баловали, ведь она долгожданный ребенок. Жанылай вспоминала себя в её возрасте. Так как она была помолвлена с Адылом чуть ли не с рождения, в возрасте двенадцати лет она твердо знала, что скоро должна выйти замуж.

* * *

Турсун от волнения долго не могла уснуть. Представляла, как она будет жить в Пекине, как говорила эта Муваза, в богатстве и достатке. Но в её мыслях жизнь там не отличалась от жизни здесь. Я буду очень стараться учиться, думала она, и научусь читать лучше воображалы Упол... как бы до отъезда подарить платочек Жолдошу, вышитый ею специально для него, думала она.

Случай представился только на третий день. Утром, после завтрака, она увидела, как Жолдош направлялся с ведрами в сторону ручья. Тут же схватив пустые ведра, она быстрыми шагами пошла за ним. К её счастью, Жолдош присел возле воды и начал отмывать что-то внутри ведра. Она поздоровалась, перешагнула речку и присела на корточки напротив него.

– Хочешь, я помогу тебе отмыть ведро? – предложила она.

– Нет. Спасибо. По чему-то ведро жирное. Мама, наверное, наливала сюда бульон, – с этими словами он набрал полную горсть мелких камешков с землей и начал усиленно тереть ведро изнутри.

– Хорошо, что ты помогаешь маме, – сказала Турсун грустно. – А я скоро уезжаю в Бейджин вместе с Муваза эже и переживаю, кто же будет помогать маме. Бабушка запрещает Саману заниматься женскими делами, вот он и бездельничает целыми днями.

– Все-таки это правда, – сказал Жолдош. Турсун не поняла, то ли он задал вопрос, то ли подтвердил то, что давно уже знал.

– Я поеду туда учиться грамоте и музыке, а когда научусь, обязательно вернусь, – сказала Турсун, отстегивая приколотый булавкой к внутренней стороне чапана носовой платочек. – Я хотела подарить тебе на память этот платочек. Сама вышла для тебя. Не забывай меня, пока я буду в Бейджине.

Жолдош долго сидел в одном положении, смотря вслед удалявшейся с ведрами Турсун. «Вот дурак, даже не поблагодарил её! Надо было сказать, что она мне нравится, что я дождусь её и женюсь», – ругал он себя. Слезы побежали из его глаз. Он начал разглядывать подарок – прямоугольный кусок белой ткани, на котором плотно разноцветными нитками были вышиты узоры. Он прикрыл платочком лицо, глубоко вздохнул, стараясь уловить её запах, смыл водой прилипшую с его грязных рук землю, сложил вчетверо и аккуратно положил в карман рубашки.

Несколько дней после этого он пытался поговорить с Турсун, но не получилось, к его огорчению, она все время находилась рядом с Мувазой.

* * *

До отъезда Юсуфа и он, и Адыл были очень заняты и приходили домой только переночевать. Весь день они проводили возле поля в доме, который специально построили для хранения собранного урожая опиума. Часть здания была приспособлена для проживания десяти – пятнадцати человек. Там и остановились люди Юсуфа. Один из них ездил за провизией и готовил еду, в основном китайскую.

Старшим из сопровождавших был Ченг – правая рука Юсуфа. Он отвечал за заготовку и учет опиума. Это был его седьмой приезд, поэтому он всё знал. В порядочности Ченга Юсуф был уверен и полностью доверял ему.

Сбор опиума почти заканчивался. Люди Юсуфа перекладывали опиум в специальную плотную тканевую тару, привезенную из Китая. Много времени занимала утрामбовка. Опиум взвешивали и заносили в другую комнату того же здания, которая запиралась на несколько замков.

В этом году не пришлось докупать опиум на стороне, так как урожай был хорошим.

Когда работы с опиумом почти завершились, Юсуф с Адылом съездили на скотный рынок, где купили пять арабских скакунов для продажи. В Китае они ценились, их можно было продать втридорога. Кроме того, Юсуф купил несколько тюков хлопка и кое-какие продукты, которые укладывались в мешки поверх опиума.

Как и договаривались, в назначенный день прибыли погонщики верблюдов и четыре человека для охраны, они должны были сопроводить караван Юсуфа до города Торугарт.

Жанылай подготовила приданое Турсун. Оно получилось богатым. Даже бабушка осталась довольна и похвалила сноху при родственниках, чего никогда не позволяла себе раньше.

За день до отъезда в доме началась суэта. Надо было опять зарезать лошадь, пригласить родственников. Приехала мамина родня из соседнего села и пришлось ставить вторую юрту.

В день отъезда все встали очень рано для того, чтобы успеть погрузить вещи к назначенному времени. Долго не могли определить, как погрузить деревянные сундуки. Их взвалили

на верблюда, потом на коня, в итоге решили положить на повозку, но так как они занимали слишком много места, было решено оставить их, к большому огорчению Жанылай.

Когда подготовка наконец-то была завершена, старейшина рода попросил всех зайти в большую юрту.

– Турсун, балекетинди алайын²¹, сядь сюда, – распорядился он, указывая место напротив себя. Как только Турсун присела, он начал читать молитву, и как принято, завершил бата²²: «О Аллах, оберегай этого ребёнка от неблагодарности за милость, оказанную тобой, дай ей счастья, оберегай её от злых глаз и напастей, оберегай от искушения и обмана, сделай её дорогу легкой, дай ей терпения и силы в трудную минуту, сделай так, чтобы честь нашего рода не была осквернена её поступками. О Аллах, защити её от унижений и оскорблений, где бы она ни была. Аминь!»

Начало светать, когда Муваза и Турсун взобрлись в повозку. Уже в повозке женщины одна за другой попрощались с Мувазой и Турсун. Дошла очередь до мамы.

– Муваза эже, доверяю вам свою дочку. Пожалуйста, позаботьтесь о ней, – почти рыдая, просила Жанылай.

– А как же! Не беспокойтесь, все будет хорошо с помощью Аллаха, – успокоила Муваза.

– Секетин кетейин, будь счастлива и береги себя.

– Энеке, вы сами берегите себя! – разрыдалась вслед за мамой Турсун.

– Ну все, трогаемся! Дорога дальняя, не задерживайте! – сказал Адыл, и повозка тронулась с места.

Самаган и Садыр бежали за повозкой, пока отец не остановил их.

– Эжеке, счастливого пути! – сказал Самаган.

– Эжеке, счастливого пути! – повторил за братом маленький Садыр.

– Самаган, Садыр, я буду по вам скучать. Помогайте маме! – напутствовала Турсун братьев.

Турсун оглядывалась по сторонам в надежде увидеть Жолдоша, но его нигде не было. Лишь отъехав метров пятьдесят, увидела его на крыше дома. Он стоял и махал ей рукой. Ответить ему Турсун не отважилась.

* * *

Как только попрощались с Адылом и другими мужчинами, провожавшими их на конях до конца села, Муваза легла на мягкое теплое одеяло, попросила укрыть её другим одеялом и вскоре задремала.

Турсун сидела в конце повозки и смотрела на уходящую дорогу. Она впервые за свою сознательную жизнь выехала из родного села. Ей было интересно. Дорога была неровная и разбитая, отчего повозка оставляла после себя облако пыли. С правой стороны простиралось голубое озеро, упиравшееся на горизонте в белоснежные горы, а с левой стороны чуть вдалеке от дороги бесконечные, сплошь усеянные зеленой елью горы. Вдоль дороги росли кустарники, в основном облепиха, одетая в жёлто-оранжевые плоды. Дорога шла вдоль берега озера то приближаясь, то отдаляясь от него. Селения попеременно с белыми нарядными юртами и небольшими глинобитными домиками, женщины, пекущие с утра хлеб в печах возле своих жилищ, лающие собаки, громкоголосые петухи, блеющие овцы – всё напоминало родной Ак-Таш.

Стояла середина осени, но погода была все еще солнечная. С утра небо было ясное, без единой тучи, но было прохладно.

---

²¹ Фразеологический оборот, ласкательное обращение, дословно «приму все твои беды на себя».

²² Благословение.

Караван передвигался довольно быстро. Даже верблюды, на удивление, шли, не отставая от коней и повозки. «Может, оттого, что почти месяц лежали, жевали траву, вот и набрались сил», – подумала Турсун.

Примерно часов через шесть караван остановился отдохнуть. Мужчины тут же разгрузили скот, повели его к реке напоить и оставили пастись на берегу, где трава всё ещё оставалась зелёной и сочной. Пока скот пасся, путники поели мясо, хлеб, завернутые в дорогу Жанылай, и попили чай из самовара, приготовленный поваром китайцев. Муваза с Турсун поели отдельно, в повозке. У Мувазы разболелась голова, и она раз пять или шесть отправляла Турсун за очередной пиалой горячего чая.

Турсун прогулялась вдоль реки, собрала немного дикой перспелой ежевики, росшей в обилии на берегу, и вернулась назад. Все уже было готово к отправке.

Она села на свое место. Настроение было подавленное. Все говорили на непонятном ей языке, никто не обращал на неё внимания. От этого девочка почувствовала себя одинокой. Сердце ныло. Она была растеряна и только теперь поняла, что теряет самых дорогих для неё людей – родителей, братьев, бабушку, с которыми никогда не расставалась прежде. Поняла, что прошло детство. Вспомнила отца и слова, сказанные на прощание: «Прости меня и не осуждай, дочка. Надеюсь, поймешь меня когда-нибудь потом. Помни, у тебя всегда есть мы, твоя семья. Будь счастлива. Юсуф тебя в обиду не даст». Отец, конечно, не заплакал, как мама, но он все это сказал с дрожью в голосе, и у него были очень грустные глаза.

Караван обогнул озеро с запада и через некоторое время свернул в сторону гор, все больше удаляясь от него.

Слова Мувазы «Прощай, Исык-Куль! Увижу ли тебя снова?» стали последней каплей для Турсун, она горько заплакала и долго не могла успокоиться.

Глава II. Юсуф

«Бедная моя девочка! Как же помочь тебе?» – думал Юсуф, глядя на распухшие и, раскрасневшиеся от слез глаза и нос Турсун. Он надеялся, что Муваза успокоит её, но она сидела рядом, время от времени посматривая в её сторону, и ничего не говорила. Может быть, решила, что ей нужно выплакаться. Слезы облегчают душу, не раз говорила сестра раньше.

У дунган, как и у других народностей в Азии, не было принято, чтобы мужчины выражали какие-либо чувства к женщине при людях. Придерживаясь этого, Юсуф не мог заговорить с Турсун при сестре. К тому же он почему-то чувствовал себя неловко перед этой девочкой. Подъехав вплотную к сестре, сидевшей в повозке, спросил на дунганском:

– С ней все нормально?

– Успокойся. Любая девушка на её месте плакала бы. С завтрашнего дня начну учить нашу Турсун дунганскому. Может, это отвлечёт её от страданий разлуки с родителями. Ей нужно внимание... а так девочка хорошая, покладистая. Даст бог, будет хорошей женой... Ты говорил, что к нам присоединится человек русского начальника. Где мы с ним встретимся?

– Там, где остановимся на ночевку. Но туда мы прибудем очень поздно.

– Уже темнеет. Кругом горы. Провожатый хорошо знает дорогу? Дорога узкая, боюсь повозка перевернётся.

– Не переживайте. Я попрошу заменить вам извозчика. Дорога только здесь узкая, дальше будет шире и ровнее. Опустите ширму, а то холодает.

Он понимал переживания Мувазы и только для её успокоения предложил заменить извозчика. Проехав вперед, к началу каравана, сделал распоряжение об этом.

Воспоминания нахлынули на Юсуфа. Тяжелая жизнь была у них с Мувазой. Родители умерли, когда Мувазе было около двенадцати лет, как Турсун сейчас, а ему всего два года. Он, конечно, не помнит, но сестра не раз рассказывала, как погибли родители.

Родители жили в Семиречье, около Токмока, когда в 1875 году родился Юсуф. Жили они тогда, как и многие, бедно, и приглашение единственной сестры матери приехать в Китай из желания помочь им родители приняли сразу. Человек, который принёс весточку от сестры, сказал, что знает их, живут они хорошо, и у них есть собственное дело, связанное со строительством. Он объяснил, как найти их в Китае. Месяца через два после этого, в начале лета, продав небольшой участок собственной земли и домик, доставшийся им от родителей отца, они выехали в Китай. Но в дороге с ними случилось несчастье, произошло это, когда до Турпана было еще далеко.

Мать с Юсуфом на руках, Муваза и две женщины-попутчицы ехали в телеге по ущелью, а отец шёл рядом с телегой. Дорога была горной, и в одном месте из-за большого наклона телега внезапно перевернулась и придавила отца, а людей выбросило из телеги. Все, кроме отца, остались живы. Спасло людей то, что телега перевернулась один раз и застряла, ударившись о дерево, которое росло ниже. Может, и отец остался бы жив, если бы не ударился головой о камень. Чуть позже выяснилось, что мать при падении сломала ногу.

Люди, с которыми ехала семья, похоронили отца и через некоторое время двинулись дальше.

Вся остальная часть дороги до Турпана была сплошной мукой как для матери, так и для Мувазы. У матери были сильные боли, нога распухла, а Муваза была занята Юсуфом, который без конца плакал и просился к маме.

В Турпане нашли лекаря, он осмотрел ногу, сказал, что кость сломана в нескольких местах, наложил жгут и дал ей для обезболивания опиум. Мать положили в постель в одной комнате с другим больным. Мувазу с Юсуфом приютила кыргызская семья, снимавшая у бога-

того уйгура коровник, приспособленный под жилье, куда был перенесён весь скарб, который везли с собой в Китай.

Первые дни мать все время спала. Муваза почти не отходила от неё, кормила жиденькой смесью из жареной в топленном масле муки, которую готовила приютившая их семья.

На третий день у матери поднялся жар, и она начала бредить. Иногда казалось, сознание возвращалось к ней, и она без конца повторяла адрес тёти в Китае, кого найти, что спросить, и говорить, что они не дунгане, а китайцы из Хэбэя. Потом она потеряла сознание. Через несколько дней нога стала почти фиолетового цвета и начала издавать запах гнили.

Пролежав у лекаря около трех недель, она умерла, не приходя в сознание.

Муваза дала лекарю часть денег, которые нашла у мамы, еще какую-то часть потратила на похороны.

Через неделю после похорон она решила ехать в Китай и найти тётю, которую никогда в жизни не видела. Приютившая их семья договорилась с людьми из каравана, направлявшегося в Пекин. Муваза поблагодарила главу семьи, дала деньги, но он категорически отказался. «Когда-нибудь, может, и мне понадобится помощь, и мне встретятся бескорыстные люди. Тогда и сочтется Аллахом мое добро, сделанное для вас. Береги Юсуфа», – сказал он.

Дорогу от Турпана до Пекина преодолели без больших трудностей. Юсуф не капризничал, как будто чувствовал, что наступили трудные времена, и он теперь сирота.

Приехав в Пекин, Муваза поняла, что весь груз, который был у неё, одной с ребенком на руках нести тяжело, поэтому она решила первым делом избавиться от ненужных вещей. Так как место прибытия каравана было очень людным, она разложила тут же на земле вещи, в основном одеяла, кое-что из посуды, одежду отца и мамы для продажи. Коротко проконсультировавшись о возможной цене с мужчиной, который взял её в свою повозку в Турпане, она начала продавать вещи ровно за половину от предполагаемой стоимости, а некоторые вещи еще дешевле. Через час она распродала почти все, за исключением старого маминого платья. Но оно ей пригодилось. В подол платья она завернула Юсуфа, подняла на спину, а концы платья перекинула через плечи и завязала рукава крест-накрест в районе живота. У нее сразу освободились руки от Юсуфа, и она смогла нести оставшиеся вещи в обеих руках. Несколько раз кули²³ в жалких лохмотьях предлагали свои услуги, но она боялась их.

Как наказывала мать в бреду, в первую очередь, надо было найти на рынке, что был на окраине татарского квартала, мясника по имени Жакуп. Расспрашивая прохожих, Муваза через несколько часов нашла рынок и без проблем отыскала там Жакупа.

– Вы Жакуп? Я племянница Хахар, жены Арса. Я приехала из Семиречья. Я ехала с родителями, но по дороге случилось несчастье, и я потеряла родителей. На спине сидит мой братик. Пожалуйста, помогите мне найти моих родственников.

Жакуп, услышав историю, оставил свой прилавок для мяса и подошёл к Мувазе.

– Ай-ай-ай! Сколько страданий на земле! Сколько тебе лет?

– Двенадцать.

– Дай помогу снять братика. Он спит. Ты дошла из Тяньцзиня до рынка пешком?

– Да.

– Как же у тебя хватило сил нести все это, да еще ребёнка?

Муваза промолчала. Действительно, у неё болели спина, ноги и особенно руки.

– Давай сделаем так... Ты посиди здесь, отдохни, пока я не продам остатки мяса, а потом я сам отвезу вас к тёте.

Он положил Юсуфа на свернутое одеяло, которое лежало на скамейке за прилавком.

Муваза присела и начала разглядывать местность вокруг. С самого приезда она была потрясена пыльными пекинскими улицами, множеством шумных экипажей, разгонявших

²³ Чернорабочие в Китае (грузчики, носильщики и т. д.).

людей громкими криками, и бесчисленным количеством людей, заполнявших улицы, и зданий в городе. Было такое ощущение, что всех жителей города разом выгнали из собственных домов на улицу. Шум и грохот стояли невыносимые.

* * *

– Есть кто дома? – громким голосом спросил Жакуп, заглядывая в дверь небольшого домика на окраине Пекина.

Вышла женщина лет сорока и поздоровалась с Жакупом.

– Вот привез вам родственников, – сказал он, показывая на Мувазу с ребёнком на руках.

Женщина была похожа на маму, поэтому Муваза, поставив ребенка на землю, бросилась к ней, обняла её и зарыдала. Внезапно её тело начало дрожать так сильно, как будто кто-то взял её за плечи и начал трясти.

Женщина растерялась. Детей видит первый раз. Ей показалось, что Жакуп перепутал её с кем-то.

– Тетя Хахар, я Муваза, дочка вашей сестрёнки Фатимы.

– А где сама Фатима?

– Мама умерла в дороге к вам, и папа тоже.

– Что?! Да что ты такое говоришь?!

Жакуп коротко рассказал, что он сам узнал от девочки. Хахар была потрясена услышанным. Она обняла племянницу, и вместе они начали причитать во весь голос. Успокоила их женщина из соседнего дома, которая стала свидетелем всей этой сцены. Она завела их в дом. Увидев, что девочку все еще колотит, принесла горячий чай и заставила выпить.

Немного успокоившись, Муваза рассказала всю грустную историю, которая случилась с семьей на долгом пути из Семиречья в Пекин.

По словам же Хахар, она действительно три года назад попросила малознакомого ей человека, который иногда бывал в Семиречье, найти там младшую сестру. Она уже забыла о своей просьбе, поэтому для неё приезд родни оказался полной неожиданностью. Она была очень огорчена, что стала причиной гибели сестры и её мужа.

– Хахар, не вини себя. Так угодно было Всевышнему, – успокаивал Жакуп. – Ты лучше накорми детей. Они два с лишним месяца были в дороге. Отмой малыша, а то он черный, как печник.

– Да, да. У меня как раз горячий ужин, – соскакивая с места, сказала Хахар и стала накрывать низенький столик в центре комнаты. – Сейчас согрею воду для малыша.

Соседка и Жакуп ушли. За едой Муваза спросила:

– А где дядя Арса?

– Еще не вернулся с работы. Он работает допоздна. Сейчас он строит дом недалеко отсюда.

– А вы когда видели мою маму?

– Давно. В год смерти бабушки. Тебе тогда, наверное, лет пять было. Ты разве не помнишь?

Муваза покачала головой. Она не помнила. На похороны бабушки приехало много родни. Хахар опять разрыдалась.

– Я так хотела помочь вам, а сделала непоправимое... Три года назад, когда выдали нашу единственную дочь замуж, мы остались вдвоем с Арса... Как раз в это время Арса искал себе помощника. Посоветовавшись, мы решили пригласить твоих папу с мамой. Я знаю, твой покойный отец был работающим человеком и справился бы. И мне хорошо, родной человек был бы рядом. Здесь в се-таки лучше, чем у вас. Глядишь, поднялись бы на ноги.

Посмотрев, как уплетает Юсуф горячую еду, она продолжила:

– Про него я не слышала. Очень похож на маму. Бедные мои, сколько же горя вы натерпелись.

Они уже помылись, переоделись в чистую одежду, когда Арса вернулся с работы. Увидев его у двери, Юсуф побежал к нему со словами «Ада».

Арса узнал новость от Жакупа, с которым встретился по дороге домой.

– Он принял тебя за отца. Конечно, за два месяца ребенок забыл лицо родного отца, – опять прослезившись сказала Хахар.

Хахар с мужем жили в небольшой деревушке недалеко от Пекина, на берегу канала, по которому с утра до ночи сновали небольшие лодки для перевозки людей или грузов. При появлении идущей навстречу лодки человек за рулём громко кричал: «Дорогу, дорогу!», таким образом предотвращая столкновение. Улочка между домами и рекой была очень узкая, так что в доме были слышны не только голоса лодочников, но и всплеск воды от вёсел.

Муваза не сидела без дела, помогала со стиркой, уборкой и другими делами по дому, а через неделю попросила помочь найти работу. Она понимала, что вечно сидеть с малышом на шее у родственников не может. Благодаря усилиям и связям тёти Муваза пошла работать в поле, на уборке риса, правда, женщинам и детям платили мало. После завершения сбора урожая риса она нанималась на разные работы. Все жалованье Муваза отдавала тёте. Эта была ничтожно малая сумма, не возмещавшая то, что тратилось на них из семейного бюджета тёти. Юсуф оставался дома под присмотром тёти или соседки. Так и жили два года, пока не призвали в армию зятя, мужа дочери Хахар. Дочка вынуждена была с тремя детьми переехать к родителям. Стало тесно в доме, и Муваза сама решила съехать в съёмное жильё.

В результате долгих поисков недорогое жильё нашлось только в городе, недалеко от рынка, куда с небольшим скарбом переехала Муваза с четырёхлетним Юсуфом. Жильё было убогим. Эта была комната размером два метра в ширину и три метра в длину с глиняным полом, покрытым камышом, и небольшим окошечком над дверью. Комната была пристроена к небольшому дому сбоку, специально для сдачи в аренду.

У Мувазы оставалось еще немного маминых денег, на которые она купила кастрюлю, пару чашек, немного дров, а также заплатила за аренду комнаты на десять дней вперед. Еще хватило на покупку поношенной одежды и ботинок для Юсуфа. Он давно уже вырос из одежды, которую дала соседка Хахар.

С помощью Жакупа она устроилась продавцом у торговца овощей на рынке. Юсуфа всегда брала с собой. Он подрос и почти не мешал ей работать.

Овощная лавка находилась на бойком месте, торговля всегда шла хорошо, особенно в утренние часы, когда они на пару с хозяином еле успевали обслужить покупателей. Хозяин платил Мувазе ежедневно разную сумму, в зависимости от торговли. Нельзя сказать, что он был жадным, но и щедрым назвать его было трудно. Обычно вечером он разрешал брать домой полусгнившие овощи. На заработанные деньги Муваза покупала растительное масло, рис, дрова и платила за аренду жилья. Рацион был очень скромным. Каждый день Муваза чистила и тушила овощи на небольшой печке, которая находилась тут же в комнате. Овощи сестра с братиком ели с заранее приготовленным рисом. Утром они запивали рис горячей водой. Редко, может быть, раз или два в месяц, позволяли себе немного мяса или бараньей требухи, которую покупали со скидкой у Жакупа.

Почти с пяти лет Юсуф начал помогать сестре и хозяину лавки. Он рос очень шустрым и смыслённым мальчиком. Научился считать, быстро складывал и вычитал. Теперь хозяин мог позволить себе просто сидеть и контролировать торговлю. Он увеличил жалование Мувазе, и у неё появилась возможность откладывать понемногу деньги, а через четыре года купить небольшое место на рынке под собственную лавку.

Начали они с продажи овощей, но вскоре поняли, что выгоднее расширить ассортимент и добавить к овощам фрукты и другие продукты – рис, муку, соль, сухофрукты, бобы. Чтобы

увеличить площадь для товара, они придумали и заказали двухъярусную и многосекционную полку. Так они могли в каждую секцию положить отдельный товар. Сами стояли не за прилавком, как все остальные, а перед прилавком, поближе к покупателю. Это новшество привлекло тех, кому нравилась возможность купить все в одном месте, не тратя много времени, а также тех, кто любил поговорить и лишний раз спросить или проконсультироваться. Особенно людям нравилось покупать у Юсуфа, который всегда с готовностью отвечал на вопросы, был очень вежливым и запоминал почти всех покупателей и что из продуктов они брали в прошлый раз. Он часто спрашивал: «Понравился вам рис, что выбрали в прошлый раз?» или «Перец, который купили у нас в прошлый раз, был достаточно острый, – как хотели?»

Как говорила сестра, Юсуф был жизнерадостным, с юмором, поэтому многим нравилось общаться с ним.

Жизнь налаживалась, поэтому Муваза настояла, чтобы Юсуф пошёл учиться в государственную школу первой ступени, несмотря на сопротивление с его стороны. Сестра наняла помощника на первую половину дня. Два года мальчик усердно учился в школе от восхода до захода солнца, заучивая наизусть громадное число иероглифов и древних трактатов. На третий год он сказал, что на его век хватит того, чему научился, перестал ходить в школу и снова начал помогать сестре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.